

Клайв ТОМСОН

Бахтин во Франции и в Квебеке

ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой статьи обязан своим происхождением 1-й Международной Бахтинской конференции (1983), проходившей в университете Квина (Кингстон, Канада). Тогда Марк Анжено, один из участников форума, говорил о необыкновенном приеме, который устроила Франция работам Кружка Бахтина (и, в частности, об особенной роли в восприятии Бахтина Юлии Кристевой, сделавшей его имя популярным для западного, в первую очередь франкоговорящего, гуманитарного сообщества); история этой рецепции, по словам Анжено, вполне достойна специального изучения. Об этом и пойдет у нас речь. В мои намерения входит, прежде всего, критический анализ разрозненных прочтений, оценок и истолкований наследия Кружка Бахтина во Франции и Квебеке.

Я сознаю, разумеется, что подобного рода исследование — обзорное, ретроспективное, поневоле избирательное — не будет свободно от схематизмов: сложен, многолик самый предмет исследования, и невозможно в границах по сути дела критического эссе детально охарактеризовать каждую из упоминаемых мною публикаций. Более того, я ограничил анализ культурно-географической «вертикалью»; труды франкоязычных воспреемников Бахтина, само собой, перемещались и по «горизонтали» разных стран (так, многими читались и трактовались работы Юлии Кристевой и Цветана Тодорова), однако история таких плодотворных перемещений заслуживает самостоятельного исследования.

Но, во всяком случае, задача вполне для меня посильная — упорядочить и изложить связным образом действительно занимательную историю форм и способов восприятия бахтинского наследия во Франции и в Квебеке, комментируя тогда, когда это

уместно, применение франкоязычными критиками некоторых ключевых понятий бахтинского Круга. По ходу изложения естественно определить возможное будущее исторического бахтиноведения; впрочем, разноречивых критических опытов осмысления работ Круга, который для меня более чем очевиден, не позволяет трактовать их в узконациональном, территориальном смысле: нет оснований для формул типа «французский Бахтин» или «квебекский Бахтин».

...Когда я собрал опубликованные на французском языке материалы о Круге Бахтина, меня поразила одна вещь. Почему популярность Бахтина не стала наибольшей во Франции? Почему Квебек знает Бахтина не хуже, а то и лучше? Во Франции публикуется критических исследований бахтинского наследия куда меньше, чем в Соединенных Штатах, Италии или Германии. Кристева и Тодоров обнародовали свои замечательные, ставшие событием работы в конце 60-х — начале 80-х годов; нефранцузские гуманитарии пренебрегли представившейся таким образом возможностью дальнейших исследований. Так к перечню моих намерений добавляется еще одно: найти разъяснение этой необычной ситуации.

ПОДЗАГОЛОВОК

Историческое развитие литературно-критической рецепции Бахтина во Франции определялось наличием переводов, и здесь явно просматриваются две хронологические фазы: первая — 70-е годы и начало 80-х, вторая — с конца 80-х по наше время. В первый период основными стали две статьи Кристевой (1967: «Слово, диалог, роман»; 1970: «Разрушение поэтики»), в задачу которых входило прежде всего первоначальное знакомство ученых Западной Европы и Северной Америки с работами Бахтина. На эти статьи непременно ссылались, как на «ключевые», открывшие исследовательскую бахтиноведческую перспективу. В течение первого этапа в распоряжении исследователей во Франции имелись только две книги — о Достоевском и о Рабле (переводы обеих книг были опубликованы в 1970 г.; книга о Достоевском существует в двух переводах на французский язык). В начале 80-х годов, после того как Тодоров опубликовал свою книгу «Михаил Бахтин: диалогический принцип» (1981), началась новая фаза исследований, которая на этот раз основывалась на использовании работ Круга Бахтина: «Марксизм и философия языка» (1977), «Эстетика и теория романа» (1978), «Эстетика сло-

весного творчества» (1984). Книга «Формальный метод в литературоведении» пока еще не переведена на французский язык. Все работы Кружка переводились женщинами, за одним исключением (Ди Верре перевел «Фрейдизм» и «Проблемы поэтики Достоевского»), а все введения и предисловия к этим работам, интересные сами по себе, были написаны мужчинами, за одним лишь исключением (Кристева написала введение к «Поэтике Достоевского»).

ЮЛИЯ КРИСТЕВА

Первая ее статья, изданная в 1967 г., написана вполне обстоятельно и обзорно: Кристева с достаточной ясностью представляет основные идеи бахтинских книг о Достоевском и Рабле. Впрочем, попытки контекстуального комментария у Кристевой здесь все-таки ограничены. Не имея доступа к другим работам Бахтина, Кристева трактует идеологию этих книг как некое продолжение или вариант русской формалистической традиции; между тем, как показывают недавние исследования, генеалогия бахтинских идей гораздо сложнее и простирается, по крайней мере, до интеллектуальных практик И. Канта и М. Бубера. Кристева, далее, устанавливает близость между Бахтиным и Романом Якобсоном с точки зрения «дискурса». При подобном ракурсе Бахтин предстает как еще один мыслитель XX века, внесший свой вклад главным образом в лингвистическую и семиотическую теорию коммуникацию. Согласно Кристевой, Бахтина следует противопоставлять Гегелю и Аристотелю; она постоянно повторяет, что Бахтин является структуралистом, близким к Соссюру. Бахтинский «карнавал», например, рассматривается ею как определенный тип логики. «Структура» является ключевым словом, с помощью которого Кристева характеризует подход Бахтина к языку и к культуре, а затем она переводит понятие «диалогизм», ставшее сейчас знаменитым термином, как «интертекстуальность». Интертекстуальность понимается Кристевой следующим образом: «...все тексты построены в виде мозаики из цитат, во всех текстах поглощаются и трансформируются другие тексты. Вместо интерсубъективности мы имеем интертекстуальность, и поэтический текст должен читаться, по меньшей мере, как двойной текст». Далее в той же работе мы читаем: «Всеохватывающий жанр, мениппея, строится, как мозаика из цитат». Эти выдержки симптоматичны, они являются ключевыми в работе исследовательницы и приводятся вновь и вновь в крити-

ческой литературе, которая позднее черпала вдохновение в трудах Крестовой. Очевидным результатом такого прочтения стало понимание «диалогизма» прежде всего как процесса производства текста и замены историзованной и социальной теории романа на теорию имманентной текстуальности.

В конце концов Крестова превращает Бахтина в систематика, который прежде всего прочего является теоретиком языка:

«Диалогизм перемещает философские проблемы в сферу языка, а точнее, в сферу языка как соотнесения текстов, как письма-чтения, соразмерного с неаристотелевской, синтагматической, корреляционной, “карнавальной” логикой. <...> Диалогизм, больше чем бинарность, мог бы стать основанием интеллектуальной структуры нашего времени».

Спустя короткое время, в 1973 г., Анри Мешонник усомнится в правильности такого рода переосмысления: «В результате своих генерализующих склонностей Крестова продвигает диалогизм дальше в сферу языка, чем это было на самом деле в работах Бахтина. <...> Задачей диалогизма, по мнению Крестовой, является гармония <...> тогда как для Бахтина речь идет скорее о неопределенности и незавершенности».

Предисловие Крестовой 1970 г. в «Поэтике Достоевского» значительно отличается от ее более ранней статьи тем, что является более общим и более критичным по отношению к идеям Бахтина. Бахтин предстает теперь как невольный предтеча многих направлений современной семиотики и психоанализа. Тон статьи представляется мне снисходительным, когда Крестова утверждает, что слабых пунктов у Бахтина много: подход его психологичен, поскольку в его распоряжении не было детально разработанной теории по этому вопросу, но, тем не менее, можно считать, что он предвидел некоторые из открытий Фрейда; многие из бахтинских определений, по Крестовой, неточны, хотя и демонстрируют похвальное интуитивное понимание литературы: на лингвистическом уровне его анализ является «рудиментарным»; и Бахтин попадает в ловушку, пользуясь гуманистическим языком. Ключевым словом, с которым ассоциируется Бахтин в этой статье, опять-таки, является слово «структура». Бахтин, по Крестовой, приходит на смену русскому формализму, однако, вопреки самому себе, предстает запутавшимся в сетях ограничений формализма. Как будет потом показано в моем анализе, предисловие Крестовой имело, по меньшей мере, двойной эффект. Ее уничижительный выпад в статье 1970-го года мог вообще отбить у некоторых читателей желание заниматься дальнейшим исследованием Бахтина, а ее синкретичное (чтобы не

сказать малопонятное) привязывание Бахтина к психоанализу, структурализму и семиотике в контексте ее теории интертекстуальности хотя и вдохновило некоторых ученых на дальнейшее исследование в этом направлении (например, Оте-Ревю), могло в то же время подействовать и обескураживающим образом из-за большой абстрактности и из-за того, что уже в начале 70-х годов во французских академических кругах структуралистский литературоведческий подход подвергался критике. М. Пьеретт-Малькузинская так сформулировала ограниченность воззрений Кристевой на Бахтина с бахтинской точки зрения: «Кристева вводит фрейдистски-марксистский синкретизм, который, базирясь в своей основе на теории символов, предполагает системную теоретизацию иерархий с обычным, производящим и всемогущим субъектом в качестве вершины этой теории — субъектом, который говорит я. Все это имеет мало общего с конструктивной гетерогенностью, которая предполагается в идеях Бахтина благодаря полифонии и которая, наоборот, утверждает де-иерархическую деятельность, в которой производящий субъект сам/сама понимается как продукт диалогизированного процесса, совместного с другими социокультурными субъектами».

ПОСЛЕ КРИСТЕВОЙ

К 1977-му году появился перевод на французский язык *МФЯ* с кратким предисловием Романа Якобсона и введением Марины Ягелло. И Якобсон, и Ягелло считают Бахтина/Волошинова удивительно оригинальными мыслителями, которые далеко обогнали свое время в сопоставлении с современной социолингвистикой и семиотикой. Они делают основной акцент на Бахтине/Волошинове как семиотиках.

В начале 70-х годов во Франции было опубликовано несколько очень коротких рецензий на «Поэтику Достоевского» и книгу о Рабле (Жанно, Дезанти, Фриу, Габе, Ле Клези). В этих статьях содержатся самые разные комментарии, и некоторые из них явно основываются на неправильном понимании того, что Кристева говорила о Бахтине. Например, хотя Кристева разграничивает русских формалистов и Бахтина, эти комментаторы часто относят Бахтина к русским формалистам, или считают, что он работал целиком в рамках формалистических традиций (Жано, Дезанти, Фриу). Конечно, подобные комментарии немало способствовали тому, что Бахтина стали считать структуралистом/формалистом (другими словами, создали ему «дурную репутацию»)

в контексте французской филологической науки, и эти ярлыки прочно пристали к Бахтину. Снисходительно-покровительственный тон предисловия Кристевой, написанного в 1970-х году, тоже копировался в некоторых из этих статей (Габе, Хейман). Однако по крайней мере один из критиков (Клод Фриу) излагает свое несогласие с мнением Кристевой, когда, характеризуя ее интерпретацию Бахтина, с сожалением отмечает наличие в ней «латентной пессимистической метафизики», «псевдонаучности» и излишней «неологистической абстрактности».

К началу 70-х годов наметились две определенные тенденции в изучении Бахтина: Пьер Бурдьё, Луи-Жан Кальвье, Бернар Гарден, Жан-Луи Удебин и Жан-Батист Марсельзи опубликовали исследования социолингвистического плана, в которых содержалось обобщение идей Бахтина о языке; Жаклин Отье-Ревю и Освальд Дюкро тогда же предположили, что некоторые из идей Бахтина могут быть использованы наилучшим образом в рамках работ по общей лингвистике, прагматике или семиотике. Первое, преобладающее направление, которое основывается на прочтении «Поэтики Достоевского» и «Рабле» и «Марксизма и философии языка», квалифицирует Бахтина как материалистического соперника марксизма. Удебин, например, который опубликовал довольно обширный комментарий к Бахтину с социолингвистической точки зрения, характеризует *МФЯ* как «глоток свежего воздуха», как предвосхищение современных лингвистических исследований во Франции. По его мнению, эта работа отличается огромной интеллектуальной живостью и ясным, недогматическим методом; если в ней чего и недостает, так это конструктивно-преобразующей критики марксизма, которая должна следовать за описанием последнего как доктринально сложившегося; Бахтин недостаточно критичен и изобретателен для того, чтобы предложить новую марксистскую философию, которая могла бы стать основанием социолингвистических изысканий. Удебин также утверждает, что Бахтин/Волошинов недооценили сильные стороны сосюрговской лингвистики, особенно диалектическую взаимосвязь присутствующих в ней диахронической и синхронической перспектив. Еще одним недостатком книги *МФЯ* Удебин считает, вторя здесь Кристевой, то, что, намечая объективные контуры некоего социально-психологического знания, данная работа отрицает сексуальную реальную реальность; ей поэтому недостает теории субъекта. Удебин также считает, что Бахтин/Волошинов в своих научных воззрениях решительно отрицают абстракцию в лингвистике, а затем указывает, что некото-

рая степень теоретической абстракции необходима в любом интеллектуальном изыскании.

Статья Пьера Бурдьё, опубликованная в 1977 г. («Экономия языковых обменов») важна тем, что в ней хорошо просматривается близость его мыслей и мыслей Бахтина/Волошинова. Нельзя сказать, что Бурдьё детально комментирует Бахтина, поскольку он лишь в начале своей статьи делает короткую предварительную ссылку на *МФЯ*, положительно отзываясь об этой работе. Но вся его статья, в которой в очень общих терминах излагается программа лингвистических исследований, является целиком бахтинской по своему подходу. Это можно увидеть из отрывков, подобных следующему:

«Язык есть *пракис*: он создан для того, чтобы на нем говорить, то есть чтобы использоваться в стратегиях, которые приобретают все возможные практические функции из ситуации коммуникации, а не просто функции. Он создан для того, чтобы говорить о чем-то. <...> Практическое овладение грамматикой ничего не даст, если вы не усвоите адекватно все условия и бесчисленные возможные ситуации, в которых вы можете говорить. <...> Понимание — это не вопрос узнавания инвариантного значения, а скорее вопрос единичности формы, которая существует только в конкретном контексте».

На сегодняшний день нет глубокого исследования о взаимосвязи между мыслями Бахтина и Бурдьё, хотя многие критики отмечали, что подобные тесные связи существуют (например, Анжено). Это предмет, который, очевидно, нуждается в дальнейшем изучении.

Кроме уже упомянутых, довольно общих социолингвистических соображений о Бахтине, я обнаружил только одно опубликованное во Франции обширное исследование, в котором использовались идеи Бахтина/Волошинова. Это — статья Бернара Гардена 1976 г. «Дискурс работодателя и представителя профсоюза», которая появилась сразу же после публикации на французском языке *МФЯ*. Гарден использует понятие несобственно прямой речи для того, чтобы контрастно и довольно язвительно проанализировать некоторые специфические тексты (телефильмы и интервью), в которых представители работодателей и профсоюзов разговаривают между собой. После весьма жесткого анализа Гарден приходит к выводу, что в дискурсе работодателей и в дискурсе представителей профсоюза используются две разные стратегии и что телевидение в 70-е годы находилось в процессе создания нового способа использования возможностей свободного непрямого дискурса. В дискурсе работодателей скрывается

исходный пункт его производства и создается иллюзия, будто «говорится от имени всех» («je dit comme on dit»), в то время как в дискурсе представителей профсоюзов делается попытка деконструировать дискурс работодателей с целью реконструировать собственные утверждения. Другая статья Гардена «Лингвистическая хроника: Волошинов или Бахтин?», опубликованная в 1978 г., является обстоятельным предисловием к *МФЯ*. Гарден утверждает, что автором этой работы нужно считать Волошинова, потому что все предпринимавшиеся до сих пор усилия приписать эту работу Бахтину были лишь плохо замаскированными попытками опровергнуть ее марксистское содержание. Это — один из редких случаев дискуссии по вопросу об авторстве во французском контексте.

Помимо социолингвистических, немарксистской ориентации, исследований о творчестве Бахтина, в изучении его наследия на французском языке прослеживается второе направление, имевшее место в конце 70-х — начале 80-х годов. Оно прослеживается в немарксистских/семиотических/лингвистических/прагматических/философских/психоаналитических работах Жаклин Отье-Ревю, Освальда Дюкро, Франсиса Жака и Адольфо Фернандес-Зоила. Наиболее важная из статей Отье-Ревю, опубликованная в 1982 г. и оказавшая наибольшее влияние на последующие исследования, является попыткой расширить программное заявление Кристевой о том, что находящиеся в зачаточном состоянии теории Бахтина необходимо развивать в направлении семиотики и психоанализа. В первой части своей обширной статьи (60 страниц) Отье-Ревю представляет собственную интерпретацию бахтинского «диалогизма», базирующуюся на тщательном прочтении всех бахтинских текстов, за исключением Э (опубликованной во французском переводе в 1984 г.). Она отмечает, что бахтинская теория «дружести» потенциально представляет огромный интерес для исследователей в области дискурсивного анализа, социолингвистики, теории высказывания и прагматики. Отье-Ревю в самой оригинальной и обстоятельной части своей статьи постулирует два типа лингвистической гетерогенности, которые она располагает в континууме: явную и конструктивную. Первый тип может анализироваться с помощью традиционных инструментов, предоставляемых лингвистикой, но второй тип, экстралингвистического характера, должен изучаться только с помощью бахтинской теории «дружести». Несобственно-прямая речь представляет собой пример высказывания, которое раскрывает конструктивную гетерогенность дружести или альтериорности. Во

второй, менее разработанной части работы Отье-Ревю проводит параллели между трудами Бахтина и Лакана: оба, по ее мнению, представляют дискурс как полифонию («за нашими словами звучат “чужие слова”»); и Бахтин, и Лакан, как кажется, понимают субъект как нечто децентрализованное. Завершает она свою статью анализом двух типов дискурса, в которых отсутствует явная гетерогенность: это — научный текст и поэзия.

Исследование Освальда Дюкро по «семиотической прагматике» является наиболее тщательно разработанной попыткой приложения некоторых принципов Бахтина. Поэтому оно заслуживает относительно более подробного комментария в настоящей статье. Задачей Дюкро было сконструировать общую схему, в которой можно было бы предпринять то, что он называет «свободным» («libre») развитием исследований Бахтина в сфере литературоведения. Семантическая прагматика определяется как изучение деятельности человека, осуществленной через язык, и в качестве специфического объекта берется эмпирическое изучение произнесения, которое определяется как событие, формируемое появлением высказывания. Оказывается, что Дюкро основывает свое развитие исследований Бахтина только на прочтении «Поэтики Достоевского». Он следующим образом суммирует, почему работа Бахтина представляет интерес для прагматики:

«Для Бахтина существует целая категория текстов, в которых можно увидеть несколько одновременно звучащих голосов, без выделения остальными какого-то одного из них, довлеющего остальным или выносящего суждения о других голосах: это то, что он называет, в противопоставление классической, или догматичней, литературе, “народной”, или “карнавальной”, литературой, и то, что иногда описывает как маскарад, полагая, что мы в состоянии наблюдать, как автор надевает целую серию масок в подобных текстах».

Бахтинская идея «полифонии» позволяет Дюкро поставить под сомнение некоторые из основных постулатов, которые доминируют в современных исследованиях по прагматике, — такие, как единство говорящего субъекта, а также понятие о том, что каждое высказывание имеет одного и только одного автора. Поэтому, по мнению Дюкро, необходимо отказаться от идеи единого говорящего субъекта в пользу нового понимания высказывания. Дюкро проводит тонкое разграничение между «говорящим» («locuteur») и «заявителем», «порождающим высказывание» («énonciateur»): первый определяется как тот, «кто относительно высказывания предстает ответственным за него, то есть как человек,

на которого возлагается ответственность за высказывание». Это человек, к которому относится местоимение «я», а также все остальные маркеры первого лица. «Locuteur» высказывания должен быть отдален от эмпирического производителя высказывания. Дюкро дает определение понятия «énonciateur» по аналогии, утверждая, что «йнонсиатеур» по отношению к «locuteur» является тем же самым, что и персонаж романа по отношению к автору этого романа. Романист создает свои персонажи таким же образом, как и «locuteur» может создавать свои «énonciateur», чьи воззрения могут быть необходимым образом организованы. Основным примером подобного процесса является, по Дюкро, ирония. Он дает следующий пример иронии: некто говорит мне в такой-то день, что завтра будет дождь. Если я увижусь с этим человеком на следующий день и если день будет солнечным, я могу ему сказать: «Вот видишь, идет дождь». Мое высказывание иронично (потому что его смысл противоположен тому, что говорится) и может быть представлено как мое собственное произведение «говорящего», «locuteur» (я являюсь эмпирически ответственным за это высказывание), но это высказывание также является и произведением «заявителя», «énonciateur», то есть человека, который первоначально заявил, что будет дождь.

Положительным моментом подобного прагматического анализа является то, что он абсолютно ясен, но, по моему мнению, он создает статичную картину вербального обмена; он совершенно небахтинский, поскольку в нем не принимается во внимание социальный контекст высказываний. Перед нами, по преимуществу, формальный и функциональный анализ, в котором автор пытается определить формальные маркеры таких явлений, как ирония, отрицание и пресуппозиция. Этот тип анализа также представляет идеализированную версию вербальной коммуникации, в которой субъекты свободно и безо всяких помех общаются между собой, в отличие от бахтинского описания языкового обмена — конфликтного, озадачивающего. Попытки Дюкро развить унифицированный образ говорящего субъекта также кажутся неубедительными, хотя результатом их и являются проблематизация и осложненное понимание процесса производства высказываний субъектами.

Работам Кружка Бахтина философски очень близки две статьи Франсиса Жака: «Диалогика: Исследования диалога» (1979) и «Различение и субъективность» (1982). В них нет явного теоретического преклонения перед интеллектуальным авторитетом Бахтина; Фр. Жак скорее вдохновлен бахтинизмом и организует, в соответствии с этим, собственный труд. Признавшись в пря-

мых влияниях, которые испытало его исследование со стороны прагматиков (Остин, Серль, Стросон), Жак утверждает:

«Михаил Бахтин заслуживает наивысших похвал, поскольку он первым сформулировал диалогический принцип. Я намерен развить его работу в более радикальном направлении <...> и читателю придется судить о том, насколько его и моя работа отличаются по духу».

Заявленной в работе Жака «Диалогике» целью является обновление теории «другости», проблематику которой он определяет следующим образом: «Один субъект должен установить связь с другим через намеренный акт. Этот акт не соотносится с известной истиной, а скорее является случайным, непредсказуемым, спорадическим. Одно лицо здесь соотносится с другим именно через собственные действия. Замечателен сам итог: действующий оформляет себя в действии и как его субъект, и одновременно как его коррелят». Особое внимание Жак уделяет изучению «референциального диалога», то есть такого диалога, в котором обмен информацией позволяет установить существование референта и идентифицировать его. Затем он выдвигает относительно жесткую прагматическую/логическую модель для объяснения диалога, основывая эту модель на современных исследованиях в сфере теории игры, теории речевых актов и модальной семантики. Им разрабатываются два оригинальных онтологических понятия: «ретрореференция», или такие формальные маркеры, которые позволяют участникам речевого общения идентифицировать их место в вербальном обмене; и «ко-референция», или прогрессивная идентификация с реальностью, которой собеседники достигают, когда они исследуют возможные миры в контексте диалога. Как видно, Жак ведет исследование на высоком уровне абстракции и использует ресурсы формальной логики. Для демонстрации своей теории он не пользуется примерами, взятыми из реально существующих текстов, а вместо этого создает свои собственные примеры высказываний.

Соблазнительно сделать вывод, что теоретизирование Жака является развитием основных посылок Бахтина. Как и Бахтин, Жак проявляет большую изобретательность в создании афоризмов, которые звучат так, как будто они были написаны Бахтиным, типа следующих: «Chacun est pour l'autre l'occasion d'être soi» («Каждый для каждого — условие быть самим собой»); «Aucun ego ne peut rester en soi» («Никакое Я не может оставаться в себе»); я и ты «ne se conçoivent pas l'un sans l'autre» («не познают себя одно без другого»); «En lui même, je n'est personne» («Сам по себе Я — никто»). В приведенных примерах особенно

важен оригинал. Однако мне представляется, что сходство между Бахтиным и Жаком существует только на поверхностном уровне, поскольку прагматико-логический подход Жака и его понимание субъектности делают очевидными исходные предпосылки формалистического типа мысли. Например, Жак утверждает, что «речь существует только тогда, когда субъект прибегает только к использованию языка как системы, чтобы говорить с кем-то еще». В этом определении и вообще в рамках фундаментальных теоретических предпосылок теории Жака сохраняется сосюровская дихотомия «langue/parole» («язык/речь»). Еще более выразительным свидетельством того, что Жак становится на формалистические (и, следовательно, небахтинские) позиции, является следующее утверждение: «Я последовательно абстрагировал (из моего анализа) социальный горизонт дискурса, семейные и дружеские связи и все те институты, которые в структурированном мире регулируют права говорящих». Отказываясь вводить контекстную часть в анализ, Жак идеализирует человеческую, вербальную коммуникацию. Иногда в своем анализе он как бы предполагает, что позиции, с которых люди говорят, существенно определенным образом взаимозаменяемы: «Такая обратимость (между говорящими субъектами) уравнивает во временной перспективе позиции, которые на первый взгляд кажутся неравными».

Бахтин, напротив, постоянно напоминает нам, что, когда мы говорим, мы всегда говорим с позиции неравенства сил.

Альфонсо Фернандес-Зоила опубликовал целую серию из по меньшей мере двенадцати критических статей, посвященных функционированию психопатологического языка. Его взгляд — это только взгляд практикующего психоаналитика, и он должен быть отделен от уже упомянутых воззрений относящихся к более утонченным сферам академического дискурса. Фернандес-Зоила разграничивает пассивную и активную диалоговость. Первые — это состояние, которое доступно нам всем постольку, поскольку мы можем испытывать обычную, повседневную интраперсональную форму дружести, тогда как второе базируется на языке и должно приобретаться, изучаться или усваиваться через постоянные усилия, с целью установления здоровых интерперсональных взаимоотношений с окружающими. Индивид, который окажется неспособным выйти за рамки состояния пассивной диалоговости, будет демонстрировать лишь монологическое поведение, и в конце концов его ожидает та или иная форма сумасшествия.

**В РУСЛЕ ТОДОРОВА:
С 1980-х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

Важной вехой в развитии бахтинских исследований во Франции стала работа Тодорова «Диалогический принцип» (1981). Следует заметить, однако, что здесь не пришлось удостоиться того внимания, которое было оказано его монографии в других странах и особенно после перевода на английский язык в США. Единственный французский журнал («Esprit») выпустил специальный номер, посвященный Бахтину в тодордовском изложении, и то не весь целиком. Хотя книга Тодорова не претендует на то, чтобы считаться чем-то большим, чем обычное «введение в творчество», она, конечно, представляет собой очень своеобразное истолкование наследия Бахтина и предваряется биографическим очерком, в котором подчеркивается единство и всеобъемлющая связность, последовательность бахтинского интеллектуального движения. Тодоров, указывая на несколько общих тем, которые, как он утверждает, можно выделить во всех работах Кружка Бахтина, создает, вольно или невольно, некий образ Кружка как общества безусловно научно и системно мыслящих исследователей. Теория познания гуманитарных наук, теория высказывания, интертекстуальность, история литературы, философская антропология — таковы темы-рубрики, посредством которых Тодоров описывает и трактует основные направления занятий кружка Бахтина.

Взгляд Тодорова на бахтинское наследие становится еще яснее, кристаллизуется в другой его книге — «Критика критики: Роман обретения мастерства» (1984), особенно в эссе, озаглавленном «Диалогическая критика?». Диалогическая критика понимается здесь следующим образом: «Критика является диалогической <...> (это) встреча двух голосов, голоса автора и голоса критика, ни один из которых не имеет преимуществ перед другим. <...> Диалогическая критика говорит не о работах (в сфере литературы), а говорит, обращаясь к ним — или, точнее, говорит с ними; она не может отказаться ни от одного из этих существующих в ней голосов. Текст, подлежащий критике, является не объектом, описываемым с помощью “метаязыка”, а дискурсом, которому противостоит дискурс критика; автор — это “ты”, а не “он”, собеседник, с которым ведется дискуссия о человеческих ценностях».

Подобный поход сводит критическую деятельность к вежливой, либеральной беседе двух позиций общения и, следовательно

но, он не соответствует тому конфликтному, неравноправному процессу, который Бахтин описывал как диалогический процесс.

Во Франции было опубликовано очень мало работ в русле тодоровской интерпретации Кружка Бахтина. Те же, что были написаны, скорее представляют собой конкретные применения основных выработанных Бахтиным понятий: таков анализ двуголосого слова в бурлеске семнадцатого века (Кронк), анализы хронотопа в «Жерминале» Золя (Миттеран) и в «Нана» (Бест) Золя, а также в «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго (Бест).

КВЕБЕК

Настоящая бахтинская традиция сложилась и бурно развивается в Квебеке, хотя основное количество опубликованных работ приходится на 80-е и 90-е годы. На протяжении 1970-х и в первой половине 1980-х гг., вплоть до своей смерти в 1986 г., профессор Андре Белло был вдохновителем и руководителем исследовательской группы, называвшейся «Cercle Bakhtine» («Кружок Бахтина»), которая регулярно собиралась в Квебекском университете в Монреале. Среди основателей Кружка были профессора: Андре Анжено, Регина Робэн, Владимир Крысинский, Антуан Гомес-Мориана и М. Пьерретт-Малькузинская, и все они внесли значительный вклад в развитие бахтинских исследований за последние десять лет. Второе поколение специалистов по Бахтину, большинство из которых является учениками уже упомянутых исследователей, продолжает публиковать свои работы в виде тезисов, статей и книг (см. два специальных выпуска «Etudes littéraires»), вышедшие в 1984-м и 1988-м гг.). Опубликованные работы Белло весьма разнородны. Они включают короткие эссе (или «хроники»), которые он писал в начале своей карьеры для периодического издания «Liberté» и которые он продолжал писать на протяжении двадцати пяти лет. Темами этих эссе стали современная политика Квебека, культурные и социальные вопросы, литература и язык (позже некоторые из этих эссе были опубликованы в двух посмертно вышедших книгах: «Понимать голоса» (1986) и «Наш Рабле» (1990)). К числу более ранних и более академичных публикаций относятся «Сочиняющий романист» (1980) и «Есть ли здесь в классе мыслящий?» (1984), а также специальный выпуск журнала «Etudes françaises», редактором которого он являлся и который был посвящен Бахтину (1984). Специальный мемориальный выпуск того же журнала в 1988 г. был посвящен исследованиям Андре Белло.

Хотя работы Белло сильно отличаются по темам, жанрам и тону, в них во всех есть одно общее свойство: одержимость Белло Бахтиным. Признаюсь, я даже склонен считать работы Белло как двадцатипятилетнее непрерывное размышление над идеями Бахтина и его Кружка. Я здесь только для удобства изложения разделил его труды на два типа: во-первых, — эссе, а во-вторых, — более академично написанные теоретические его работы.

Белло был прекрасным эссеистом, и этот жанр ему явно очень нравился. В 1984 г. Белло написал «хронику» под названием «Независимость дискурса и дискурс о независимости». Речь в ней шла о конфликте между двумя поколениями интеллектуалов, рассуждения которых, или дискурсы, по вопросам политической ситуации в Квебеке за последние сорок лет очень сильно различаются:

«Как получилось, что дискурс о независимости в Квебеке все еще носит столь явно и глубоко диалогический характер? Каждый может это наблюдать вокруг себя и в самом себе. Так, всякий раз, когда я слушал выступления Гастона Мирона по этому вопросу, я понимал, что слова его принимают форму эмоционального ответа, явно предназначенного тем, против кого он выступал. Пусть собеседники отсутствуют воочию — он обращается к их аргументам, предвосхищает их реакцию и даже называет этих людей: Жерар Пеллетье, Пьер И. Трюдо и другие, представлявшие собой именно символические адресаты, благодаря таким «ответам», направленным в их сторону, стали заметны в социальном дискурсе Квебека».

Белло определяет хронотоп, в рамках которого происходит этот захвативший весь Квебек конфликт, как «театр вечно неразрешимого конфликта», диалогическими свойствами которого, в описании Белло, являются следующие моменты: метафора театра создает понимание диспута как своего рода постановки («Une mise en scène»); конфликт является открытым, незавершенным; описание двух поколений (старого и молодого) и определение их места даются исторически и конкретно через соотнесение с социальной и политической историей Квебека; конфликт предстает как разноголосый, поскольку два поколения используют два противопоставленных дискурса/языка и исторически разделены радикальным расколом, который произошел в истории Квебека в конце 1950-х годов. Во всех эссе Белло прослеживается хронотопическая характеристика; именно поэтому он представляется мне прежде всего непревзойденным, искусным мастером диалогических эссе.

Академические работы Белло по своему характеру были более программными и более теоретичными, и, хотя эти статьи доказали свою ценность уже тем, что служили источником вдохновения для многих молодых критиков в Квебеке, чувствуется, что Белло ближе все-таки эссеистический жанр. Белло стремился объединить понятия, почерпнутые у Бахтина (особенно понятие «карнавализации»), с терминами, разработанными Соссюром и Греймасом (здесь ключевыми понятиями для Белло были: «код», «структура», «модель», «модальность» и «актант»). В результате внутренней концептуальной несопоставимости с Бахтиным тех исследователей, с которыми Белло пытался его объединить, создавалось некоторое неразрешимое напряжение. Не будет несправедливым по отношению к Белло предположить, что его академическая работа, продвигавшаяся в направлении структуралистского формализма, невольно оказалась в ловушке, которую Бахтин обозначил убийственным термином — «теоретизм» (см. его *ФП*).

Другим очень важным голосом в общем хоре тех, чья работа ассоциируется с бахтинскими исследованиями в Квебеке, является голос Пьерретт-Малькузинской (она несколько лет училась в Монреале и в настоящее время преподает на родине, в Варшавском университете). Ее недавняя книга «Интердиалоги с Бахтиным, или Социокритика полифонической (без)рассудочности» представляет собой одновременно как теоретически изощренную попытку соединить Бахтина с социокритикой, так и тщательное текстовое прочтение некоторых писателей XX века (Гильермо Кабрера, Инфанте, Губерт Акен, Томас Пинчон, Эдуардо Мендоза). Бахтин предстает в этой работе как предтеча современной социокритической теории и метода. Его творчество помогает социокритикам развивать свою проблематику в новых направлениях. Задача социокритики, по мнению Малькузинской, определяется следующим образом: «<...> определить, в терминах эстетической специфики, интерактивную динамику текста в рамках культурной циркуляции»; «определить и идентифицировать диалогические процессы, социальные процессы, которые являются глубоко и необходимо историчными и которые не даются как таковые заранее, но (вос)создаются и текстуально воспроизводятся».

Социокритика должна изучать, по мнению Малькузинской, то, каким образом мониторинг социального дискурса материализуется в текстах и с помощью текстов. Малькузинская также вносит большой вклад тем, что указывает границы использования работ Бахтина в имевших место прежде исследованиях, на-

пример, в исследованиях Ю. Кристевой по интертекстуальности и психоанализму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поразительна разница в восприятии работ Бахтина во Франции и в Квебеке.

Кристева и Тодоров вызвали живой отклик у исследователей в 70-е годы и, соответственно, в начале 80-х годов. Причем реакция на работы Кристевой происходила, главным образом, среди исследователей-семиотиков, социолингвистов и психоаналитиков, тогда как философов или лингвистов привлекли прежде всего работы Тодорова; практически всеми критический и исторический анализ концепций Кругжа Бахтина был вполне ограничен их собственными историко-критическими интересами. Французских ученых интересовало, в первую очередь, развитие и приложение бахтинских идей в области французской литературы. Квебек, напротив, стал местом детального критического анализа генеалогии и развития этих идей в контексте литературной компаративистики. В Квебеке же работы Кругжа были существенным образом расширены методологически и теоретически, особенно в отношении социокритической проблематики. Между тем во Франции не появилось ни одной работы, сопоставимой по глубине мысли и обстоятельности с трудами квебекца А. Белло, который в свободной, эссеистической манере разъяснял бахтинские идеи или с академической невозмутимостью развивал последние, изучая идеологические и политические изменения текстов. Впрочем, именно Белло не раз повторял, что трудно придумать более удачную иллюстрацию многоголосого общества, чем Квебек, представляющий собой уникальную смесь многих языков: квебекского, континентального французского, британского английского, американского английского, языков американских индейцев и языков самых разных иммигрантов. Возможно, самый характер квебекского общества объясняет большую степень открытости и гибкости, с которой квебекские ученые восприняли идеи Бахтина.

1996

Перевод П. Ольхова и А. Ривлиной

